

Не бойтесь, я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь.

Дорогие братья и сестры,

вот и снова в этом году мы слышим слова ангела, которые всегда так глубоко трогают нас. Может быть, именно ради этих слов многие люди один раз в год приходят в церковь — в этот самый день? Так давайте же поразмышляем над тем, как мы встречаемся с Ним, Христом, нашим Спасителем в этом Младенце, лежащем в яслях. В этом ребенке, в этом вертепе нас встречает Сам Предвечный Бог, пришедший в наш мир, в мою и вашу жизнь.

Я хотел бы рассказать вам одну историю, написанную шведской писательницей Сельмой Лагерлеф — одну из моих самых любимых рождественских историй. Она озаглавлена «Святая ночь».

Как-то раз в темную ночь — так начинается этот рассказ, — один человек пошел искать огня. Он ходил от дома к дому и стучал. «Добрые люди, помогите мне, — говорил он. — Моя жена только что родила, и мне надо разжечь огонь, чтобы согреть ее и малыша». Ночь была глубокая, все люди спали, и никто ему не отвечал.

Наконец, после долгих поисков, человек заметил вдали отблеск огня. Какой-то пастух развёл в поле костёр. Вокруг него, тесно прижавшись друг к другу, лежали овцы, а их охраняли три собаки. Как только они учуяли незнакомца, они вскочили, чтобы схватить незванного гостя — но челюсти и клыки почему-то не слушались собак. Человек прошел дальше, прошагал по спинам спящих овец и, наконец, подошёл к самому костру — но ни одна из овец даже не шелохнулась.

А пастух был старый, угрюмый человек, который был жесток и суров ко всем людям. Он схватил свой длинный, остроконечный посох и с силой бросил его в незнакомца. Но посох уклонился в сторону от пришельца и, просвистев у него над ухом, улетел далеко в поле.

Тогда незнакомец смог, наконец, изложить свою просьбу. После всего, что случилось, пастух уже не посмел ему отказать. К тому же, им овладело любопытство: ведь у пришедшего не было с собой ни лопаты, или ведра, чтобы набрать себе углей. Каково же было удивление пастуха, когда незнакомец, набрав голыми руками тлеющих углей, завернул их в полы своего плаща, будто это были орехи или яблоки, и собрался уходить.

Увидев всё это, угрюмый и злой пастух был поражен. «Что же это за ночь, — спрашивал он сам себя, — в которую собаки не кусаются, овцы не пугаются, посох не ударяет, а огонь не жжет?» Он окликнул незнакомца и спросил: "Что сегодня за ночь? И почему и звери, и вещи оказывают тебе милосердие?»

Тот ответил: «Я не могу тебе этого сказать, если ты сам не увидишь».

Пастуха разбирало любопытство, он встал и пошел за незнакомцем. Они шли долго-долго, пока не пришли в холодную каменную пещеру. Когда пастух увидел такую нужду, то, хоть он и был черствым человеком, ему всё же стало жалко Младенца, и он решил помочь Ему. Скинув с плеча мешок, он вытащил из него мягкую белую овчину и отдал её незнакомцу, чтобы тот положил на нее новорожденного. Но в тот самый момент, когда пастух показал, что он тоже может быть милосердным, у него вдруг открылись глаза, и он стал видеть то, чего раньше не видел, и услышал то, чего раньше не слышал. Он видел, что его окружает множество ангелов, и слышал, что они громко поют и славят родившегося в эту ночь Спасителя, Который избавит мир от греха.

Угрюмый пастух увидел то, чего не мог видеть раньше. Этот небольшой рассказ с поразительной простотой и доходчивостью показывает нам, что в тот самый момент, когда человек отрешается от своей злости и предрассудков, когда он распахивает сердце навстречу другому: тому, кто нуждается в помощи, — одним словом, когда он проявляет милосердие, его глаза открываются. Никто иной, как новорожденный младенец, лежащий в яслях, производит в нем эту перемену.

Странно сознавать, что у нас в немецком языке нет современных слов для таких древних понятий, как милость и милосердие — *Erbarmen und Barmherzigkeit*. Они подразумевают не просто чувство жалости, а о мягкость и теплоту сердца, благорасположенность к себе самому и другим людям, готовность открыться им и прийти на помощь в нужде. По-немецки мы также говорим порою о человеке, что он *ließ sich erweichen* — то есть смягчился или даже растрогался. Это значит, что он смог осознать, что все мы, люди, являемся чем-то большим, чем кажется на первый взгляд, чем мы сами думаем о себе и друг о друге. Ведь не только Божественный Младенец, но и всякий человек в конечном счете остается великой тайной. Поэтому милосердие также тесно связано со способностью прощать.

И сейчас, когда мы собрались, чтобы вместе праздновать Рождество Христово, я желаю всем нам, чтобы и мы оказывали друг другу такое же милосердие, и в особенности тогда, когда всё идет не так, как мы себе представляли, когда, новый день принес нам не одни только радости, но и разочарования, ссоры и слезы. В этом нет ничего необычного, ничего такого, что, как порою нам кажется, случается только в нашей собственной жизни, только в нашей собственной семье — и никогда не бывает у других людей.

Пусть же Младенец, лежащий в яслях, прикоснется к нашему сердцу, как это случилось с пастухом из сегодняшнего рассказа, чтобы мы смогли вырваться из застенков собственного «я». Ради каждого из нас: того, кто окружен семьей или живет в одиночестве, кто избалован жизнью и кому она приносит одни лишь тяготы и скорби — ради каждого Бог является в мир в этом Младенце, чтобы мы исцелились. Во Христе мы видим, какими хочет видеть нас Бог.

И вот как заканчивается этот рассказ: «Ни свечи и лампы, ни роскошь и блеск, ни солнце и луна не помогут человеку: только чистое сердце открывает очи, которыми

может человек видеть славу Божью».

Аминь!